

и даже языков не может быть более ценных и менее ценных диалектов и языков. В этом смысле работа М. Пунттила играет особенно важную роль. Может

быть, она вдохновит и других исследователей обнародовать материал какого-нибудь говора и тем самым спасти его от окончательного забвения.

ЯАН ЫИСПУУ (Таллинн)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.4.09>

Seppo LaHukka, *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends*, Helsinki 1990 (Suomalaisen tiedeakatемian toimituksia. Sarja B. Nide 252). 344 с.

На эту монографию уже опубликована рецензия А. Кюннапа (1991:205—209). Тем не менее ее значение настолько велико и для уралистов, и для всей финно-угорской общественности, что есть необходимость взглянуть на рассматриваемый труд и с точки зрения представителя одной из изучаемых им национальностей, а именно коми. К тому же со сферой научных интересов автора совпадает и любительский интерес рецензента (Цыпанов 1989а; 1989б; 1989в; 1990; Тзурапов 1990). С другой стороны, целесообразно краткое реферирование основных положений монографии (естественно, не повторяя мыслей А. Кюннапа) из-за недоступности ее для широкого российского читателя. Об этом можно судить уже по тому факту, что на рецензируемую монографию не было пока никаких откликов и даже ссылок в работах коми этнографов и историков.

Монография написана на очень большом материале, почерпнутом из всевозможных источников. Она состоит из введения, девяти глав, заключения и приложений. При чтении ее необходимо часто обращаться к примечаниям, где встречаются и очень ценные цитаты, цифры, пояснения. К сожалению, примечания приходится часто сверять с приведенными ниже библиографическими данными, это не совсем удобно.

Во «Введении» автор справедливо говорит о важности темы исследования, а также о том, что мордва, марийцы, коми и удмурты в сопоставительном плане крайне плохо изучены как на Западе, так и в бывшем СССР. В центре внимания автора — выявление разрушительных тенденций в развитии восточных финно-угорских народов.

Глава «Теоретические перспективы на этнос и этническое разрушение» содержит важные положения относительно концепции этноса, этнического разрушения, модели этнической изменчивости, а также скрупулезный обзор советской теоретической литературы по вопросам этнической классификации, разнообразия и унификации народов. Автор анализирует изменения в оценках народов СССР, содержащиеся в партийных программах и подобных документах, избилующих политическим словоблудием, надуманностью, утопическими положениями. С. Лаллукка не стремится к исчерпывающему определению этноса из-за чрезвычайно многообразного, многомерного его содержания. Опираясь на работы ведущих западных ученых, он раскрывает понятие этнической самоидентификации, которая находит выражение в 1) персональной идентификации, 2) этнической социальной идентификации, 3) этнической коллективной идентификации, включая чувство единоплеменности в этнической группе. Отсюда, по мнению автора, ассимиляция представляет собой разрушение этнических уз между персональным и коллективным аспектами идентификации, когда человек уже ничем не связывает себя с определенной этнической группой. Выделяется два вида ассимиляции: культурная и структурная. На основе модели этнической динамики автор пытается выяснить, как глубоко восточные финно-угорские народы вовлечены в ассимиляционные процессы.

Необходимо отметить незаурядность подобного подхода, ведь даже в «перестроечные» годы наши этнографы и историки не называли вещи своими именами, а ассимиляционные процессы маскирова-

ли под расплывчатыми толкованиями типа «этнокультурные, этноязыковые, этнические процессы» и т. п. Теоретических разработок по этому вопросу у обществоведов бывшего СССР практически нет. Считалось, что в стране национальный вопрос решен, народы процветают, а ассимиляция возможна как строго добровольная и прогрессивная. Рассмотрение автором вопросов т. н. национальной политики в СССР явственно показывает, что языки финно-угорских народов (как и многих других народов страны) не имели необходимой защиты и стали де факто непризвигированными. Интересно, что нацией в «Советской исторической энциклопедии» (Москва 1961—1976) признавались лишь удмурты, а в «Большой советской энциклопедии» (Москва 1970—1978) удмурты и мордва отнесены к нациям, а марийцы и коми к народностям. С другой стороны, в исторической литературе местных изданий доказывалось, что все народы достигли расцвета и стали социалистическими нациями.

Глава «Исторический очерк» начинается с освещения доисторической эпохи и средневековья. Основательно реферировается языковедческая литература, описываются гипотетические общности и языки, предполагаемые территории обитания предков мордвы, марийцев, пермян. Относительно предков коми отмечены их большая подвижность в сравнении с удмуртами, занятия торговлей, обживание обширных пространств. Они первыми попали под влияние русских, но при этом долгое время сохраняли внутреннее самоуправление, даже после принятия христианства. Не случайно впоследствии почти все коми-зыряне были включены в одну административную единицу. В средневековых документах предки нынешних зырян и пермяков назывались *Пермь*, между ними еще не было русских поселений, разделивших впоследствии единый народ. Так, бассейн Камы и Вятки, по данным топонимии, был заселен коми. Кстати говоря, археологи настойчиво проводят мысль о гораздо более древнем заселении бассейнов Выми, Вычегды, Мезени, Печоры предками коми, нежели принято считать (с VIII—IX вв. н. э.). Однако данных языка для таких утверждений нет, к тому же немногочисленные коми племена вряд ли могли поддерживать языковую

среду на таких обширных территориях. В целом мнение археологов можно оценить как интересную гипотезу. По данным археологии, средневековая экономика финно-угорских народов достигла более высокого уровня, чем до сих пор предполагалось.

После падения Казани в 1552 г. мордва, марийцы и удмурты были включены в русское государство и постепенно разьединены между собой, так как колонизация сопровождалась интенсивным переселением на их земли русских крестьян. Одновременно началась и их христианизация, с которой связано развитие письменности и образования у мари, удмуртов, мордвы в XVIII веке. Коми уже имели письменность, она развивалась с 1472 г. Основанная в Казани в 1872 г. учительская семинария под руководством Н. И. Ильинского стала своеобразным университетом для молодой национальной интеллигенции, семинарию закончили 128 марийцев, 110 мордвинов, 70 удмуртов и 36 коми. Коми-зырян училось мало, в основном коми-пермяки. Среди выпускников семинарии были мордвин Макара Евсеев, мариец Валериан Васильев, удмурт Кедр Митрей и другие.

К 1917 г. на территориях восточных финно-угров отмечалось национальное оживление, которое затем привело к созданию собственных автономных образований. С. Лаллукка тщательно анализирует все изменения в национальной политике правящей ВКП(б) от всемерного поощрения развития наций до курса на построение унитарного государства. Тем не менее первые два десятилетия советской власти дали очень много финно-угорским народам, за короткий срок прошедшим путь от крестьянских масс до вполне культурных наций. Если и применять слово «расцвет», то он падает именно на 20-е годы. Так, в ноябре 1920 г. образовались Марийская и Вотская автономные области, в августе 1921 г. возникла Коми автономная область, намного позднее, в июне 1928 г. основан Мордовский округ. Правда, не все шло гладко. Так, коми-пермяки и коми-зыряне, несмотря на явное стремление объединиться, были разделены на два образования — область и округ, что привело к углублению изоляции друг от друга в последовавшие десятилетия. В конце 30-х

годов, как пишет автор, практически автономные области сравнивались в правах с областями РСФСР, различие наблюдалось лишь в культуре и образовании, хотя по конституции 1936 г. области и были преобразованы в автономные республики. С. Лаллукка прослеживает степень возлечения представителей восточных финно-угров в состав партийных и советских организаций, развитие национальной школы, печати, книжного дела, политику коренизации и многое другое. В целом, исторический обзор весьма информативен. В дальнейших главах автор всесторонне исследует развитие восточных финно-угров с послевоенного времени до наших дней.

В главе «Советские переписи населения как источник сведений о национальностях и языках» критически анализируются данные переписей населения в СССР. Несмотря на неадекватность сбора информации, многозначность выражения «родной язык», переписи населения служат важным источником в изучении этнического многообразия, его изменчивости в бывшем СССР.

Далее автор предлагает сравнительное описание четырех финно-угорских народов. В главе «Численность и местожительство восточных финских национальностей» обрисовывается современная этническая территория мордвы, марийцев, коми и удмуртов, их количественные изменения от переписи к переписи, характеризуется демографическая ситуация как в автономных республиках, так и в других регионах проживания народов. Каждая подглава, посвященная отдельному этносу, сопровождается картами и таблицами. В 1989 г. мордва, коми, удмурты, марийцы составили 2 млн 915 400 человек, или 1,02% населения СССР. За 270 лет общая численность этих народов увеличилась в 11 раз, в советскую эпоху она тоже растет, за исключением мордвы. Правда, темпы роста значительно снизились; в последние десятилетия их прирост был незначительным, что подтверждает таблица на с. 86.

Автор подробнее характеризует коми-зырян, коми-пермяки остались вне его внимания. Приводятся данные переписей: в 1989 г. общее число коми-зырян составило 345 007 человек, темпы роста между переписями 1959 и 1970 гг. не-

значительны (0,16%), в последний период они несколько выше, 0,55%. Тем не менее и внутри, и вне республики коми подвержены этнической эрозии. Преимущественно они — сельские жители, хотя доля горожан выше, чем у марийцев и удмуртов.

Характеристика Коми республики включает сведения о площади, природных ресурсах, традиционном хозяйстве, климате. Отмечено, что в послевоенные годы интенсивно развивались добывающие производства и это повлекло за собой интенсивный приток мигрантов. Общее количество населения с 1920 г. выросло в 7 раз и в 1989 г. достигло 1 млн 263 000 человек. Кроме того, в республике со времен Гулага осталось множество исправительно-трудовых колоний. Из всех городов наибольшее количество коми проживает в столице республики Сыктывкаре — около 70 000 человек, примерно треть всех жителей. Тем не менее города республики русскоязычны, а северные промышленные центры всегда развивались за счет новоприбывающих. Хотя за 1991 г. в связи с ухудшением социально-политической обстановки в СНГ впервые за послевоенное время наметился отток русскоязычного населения из Коми ССР (уменьшение на 3000 человек), он незначителен и еще не меняет демографической ситуации, явно неблагоприятной для коренного народа. Доля коми в составе населения республики уменьшилась с 90% в 1920-е годы до 23% в 1989 г. Далее С. Лаллукка представляет все районы республики соответственно индексу мозаичности и выделяет районы с преобладанием коми и русскоязычного населения. Койгородский район — единственный с примерно равным представительством коми и русскоязычного населения. При его характеристике использованы старые данные, по которым с. Кобра, самое южное коми село на притоке Вятки р. Кобре, считалось заселенным. К сожалению, теперь оно пусто из-за политики уничтожения «неперспективных» деревень. В настоящее время южная граница проживания коми проходит много севернее, а самобытный говор с. Кобра практически исчезает, так как бывшие его жители расселились по многим селам и поселкам этого района и Вятской области. В заключение автор подробно

описывает ижемцев и места их проживания в Коми АССР, Мурманской, Архангельской и Тюменской областях.

Описание коми населения и его местожительства сделано точно и объективно. Хочется лишь добавить, что несмотря на проживание большинства коми-зырян в собственной республике (84,5% всех коми), нынешнее ее состояние тревожно. Не говоря уже о подавляющем преобладании русскоязычного населения, многие районы с коми населением слабо связаны между собой и тяготеют к разным индустриальным центрам. Внутриэтническое взаимодействие и динамика несущественны, северные города вообще не имеют национально-культурной инфраструктуры. Естественно, это обусловлено и экономико-географическими причинами. Лишь южные и юго-западные районы теснее связаны между собой и с Сыктывкарком, служат основным источником национальных кадров.

В кратком заключении к этой главе автор резюмирует, что после II мировой войны численность мордвы начала неуклонно сокращаться, с 1960 г. темпы прироста коми, марийцев и удмуртов ощутимо снизились и лишь начиная с 1970 г. заметен некоторый подъем. Наивысшую степень прироста имеют марийцы. В данных изменениях налицо ассимиляционные потери, возрастающие от переписи к переписи. Все коренные народы в своих республиках находятся в этническом меньшинстве, коми составляют 23% всего населения, мордва 32,5%, удмурты 30,9%, марийцы 43,2%. Во всех республиках они в основном проживают на селе, в городах составляя меньшинство среди в основном русского населения, т. е. в своих республиках часто проживают в сильно русифицированных или смешанных поселениях. Урбанизация, по мнению автора, усиливает разрушительные процессы в этносах.

Глава под названием «демографический обзор» содержит интересную информацию о миграционных потоках в автономные республики и из них, о тенденциях в изменении воспроизводства этносов, их возрастной, половой структуры. Приведенные в приложениях пирамиды, показывающие соотношения мужского и женского населения разных воз-

растных групп, построенные по данным переписей разных лет для каждого этноса, наглядно выявляют диспропорции в поло-возрастной структуре восточных финно-угорских народов. Эти пирамиды, помещенные в основной текст, были бы нагляднее для читателя.

Автор резюмирует, что вплоть до 1950-х годов восточные финно-угры имели высокий уровень воспроизводства, что превышало этот уровень у русских на 50%. С 50-х годов различие сокращалось, хотя и продолжало существовать в конце 1970-х. Относительно высокий прирост помогал компенсировать ассимиляционные утраты у этих народов, кроме мордвы. Демографические катастрофы (коллективизация, войны) нарушили половую структуру. Например, в 70-х годах наблюдался острый дефицит в возрастной группе 20—29 лет. В сравнении с пирамидой, построенной на основе всего населения СССР, этнические пирамиды показывают более резкие изменения. К тому же из-за явного недостатка лиц молодых и особенно юношеских возрастов пирамиды имеют сужение основы. Возрастная структура у мордвы наиболее деформирована из-за сильной ассимиляции населения республики. Преобладание и увеличение количества людей пожилого и среднего возраста свидетельствуют о демографическом старении мордвы, коми, марийцев и удмуртов, об утрате ими демографического динамизма. Прогноз автора неутешителен: ожидается незначительный рост численности народов, неамного превышающий нулевой показатель.

Для меня, как лингвиста, наибольший интерес представляет довольно объемная глава «Языковые предпочтения и распространение двуязычия», которая начинается с утверждения, что язык является одним из основных элементов этнической самоидентификации. Далее автор кратко описывает пути развития литературных языков коми, марийцев, мордвы и удмуртов. Коми литературный язык развивается с XIV в., в XVIII в. параллельно употреблялись древнекоми и русский алфавиты, с тех пор письменность устойчиво развивается на основе кириллицы. В XVIII в. появились первые печатные источники на восточных финно-угорских языках. В XIX в. у коми сло-

жилась развития художественная литература, у остальных народов — в начале XX в. До 1917 г. всего было издано около 100 книг и брошюр на мордовских языках, примерно по 200 — на удмуртском и марийском, около 50 — на коми. По данным Г. Г. Бараксанова и В. И. Мартынова, на коми языке издано больше — 60—70 названий (1975: 6). К тому же с древних времен в местах проживания староверов (Удора, Печора) существовала традиция коми рукописных книг, причем некоторые любители вполне успешно занимались и художественными переводами с русского языка. После революции строительство литературных языков достигло апогея, решались вопросы диалектной базы языков, графики, орфографии, русских заимствований. Правда, последняя проблема остается не решенной до сих пор, по крайней мере для коми литературного языка.

Вопрос определения функционального применения языков С. Лаллукка ставит в прямую зависимость от статуса русского языка, вернее от его возвышения с 1920-х годов до 1970-х. Справедливо подчеркнуто, что русский язык стал краеугольным камнем советской национальной политики. Поэтому провозглашенный Лениным и повторенный в конституциях тезис о равенстве языков и их возможностей остался лишь теорией: в реальности русский язык стал доминировать почти во всех сферах жизнедеятельности мордвы, коми, мари и удмуртов, причем расширение его функций осуществлялось за счет ущемления местных языков. Особенно явно это видно в Коми, где в угоду новоприбывшим мигрантам районные газеты переводились на русский язык (во всяком случае именно этим часто объяснялся перевод).

Взгляды автора на функционирование восточных финно-угорских языков, национально-русское двуязычие во многом совпадают со взглядами Р. Руутсоо (Ruutsoo 1987), к сожалению, работа последнего отсутствует в библиографическом списке монографии. С. Лаллукка вслед за некоторыми западными учеными считает, что двуязычие является некой временной фазой на пути к языковой русификации. Национально-русское двуязычие обычно преподносилось как благо для малых народов, даже в недавних рабо-

тах исследователей из финно-угорских республик этот догмат присутствует, например, в работах мордвина О. Е. Полякова (1988) и коми Л. А. Жданова (1989), также не упомянутых в библиографическом списке монографии. На многих примерах автор доказывает, что односторонний массовый билингвизм у коренных народов вкуче с малым функционированием национальных языков ведет к ослаблению языка, его смене, к языковой русификации как основе для этнической ассимиляции. Таким образом, на практике языковая политика в СССР (теперь в России) ведет к той же русификации, к которой стремились царские власти вплоть до 1917 г.

Обзор образования на родных языках финский ученый начинает с исторического экскурса, затем анализирует всю казуистику Законов о народном образовании 1959, 1970, 1973 гг., где постулируется право свободного выбора языка обучения, в результате чего у коми, удмуртов, мордвы, марийцев появилась возможность игнорировать обучение детей в национальной школе. Русский язык, правомерно являясь *lingua franca*, в результате школьной реформы стал прямо противопоставляться местным языкам. Особенное сокращение числа национальных школ началось со времен правления Н. Хрущева.

Автор подразделяет школы в автономных республиках на три типа: 1) русские, как и в русскоязычных областях, 2) национальные с русским языком обучения, 3) национальные с коренным языком обучения в 1—3 классах. Приведены многочисленные цифровые данные. Так, с начала 70-х годов до 80-х число изучающих коми язык как предмет уменьшилось с 25 000 до 15 000 человек. В последние годы, правда, в Коми республике идет обратный процесс, растут количество изучающих коми язык и число национальных школ (второй тип). Поставлена задача реставрировать истинно национальную школу (третий тип). Тем не менее, вывод С. Лаллукки о состоянии национальных школ в финно-угорских регионах как тревожном соответствует действительности.

Состояние печатного дела у разных финно-угорских народов не одинаково. Если в области книгоиздания ситуация

(в целом) примерно схожая, то этого нельзя сказать о газетном деле. Так, кроме одной-двух республиканских газет на коми языке выходят три районные газеты, на горномарийском одна, на лугомарийском 13, на удмуртском 17 газет и ни одной районной газеты нет на мордовских языках. Общий их тираж весьма незначителен в общем тираже газет в соответствующих республиках. Количество книг, издаваемых за год на финно-угорских языках, сократилось в среднем наполовину, на коми языке в 3 раза по сравнению с послевоенным временем. Изменения тем самым произошли существенные, первая цифра означает среднее количество названий книг и брошюр за год, изданных в 1946—1955 гг., цифра в скобках — среднее ежегодное число книг в 1976—1985 гг.: на коми языке 61,1 (21,9), лугомарийском 65,4 (33,3), горномарийском 22,8 (9,3), эрзянском 41,1 (21,6), мокшанском 40,3 (25), удмуртском 51,1 (27,9). На коми языке издаются лишь учебные, художественные и краеведческие, научно-популярные книги. Совершенно не выходит переводная литература, детективы, фантастика, комиксы и иная продукция для массового чтения. Например, при сравнении уровня книгоиздания на эстонском языке (Liivaaku 1989) тревожное состояние печатного дела в Эстонии видится нам розовой мечтой. Налицо и явная диспропорция между выходом книг на русском и коми языках в Коми книжном издательстве — около 60% всей продукции издается на русском языке. За годы перестройки это соотношение не изменилось.

О сохранении родного языка и распространении двуязычия С. Лаллукка судит опять же по материалам переписей населения. За 30 прошедших лет число носителей родных языков у коми, удмуртов и мордвы заметно уменьшилось, лишь у марийцев этот показатель несколько вырос. Распространение массового двуязычия заметнее у молодежи, причем женщины больше придерживаются одноязычия, чем мужчины. Молодые поколения финно-угров в городах, как правило, владеют языком пассивно (в лучшем случае), большинство же родным языком уже не владеет.

Интересен раздел о пользовании языком и языковой компетентности, в

котором автор на материале нескольких статей этнографов попытался определить предпочтения пользования родным или русским языками в переписке, общении, чтении литературы, прессы и т. п. Вывод: из-за доминирования русского языка в социо-политической сфере практически во всех ареалах проживания восточных финно-угров основная сфера употребительности родных языков сужена до рамок семьи и повседневной сельской жизни. При сопоставлении сельских коми и марийцев выясняется, что марийцы владеют литературным языком лучше. Хотя необходимо оговориться, что данные использованных опросов (Рогачев 1984) в строгом смысле нерепрезентативны, так как опрос проводился лишь в трех районах, из них два с абсолютным преобладанием русскоязычного населения, охват опрошенных — 1280 человек, причем не охарактеризованы 17 населенных пунктов, где он проводился. К тому же методика опроса не всегда адекватно говорит о значении языков, ведь зачастую респонденты желают объяснить то, что они не читают по-коми, незнанием языка, диалектными отличиями своих говоров от литературного языка, хотя на самом деле имеет место элементарная нехватка книг, изданий, газет на коми языке (в большинстве коми районов газеты издаются на русском языке). По-моему, степень владения коми литературным языком должна определяться с помощью лингвистического эксперимента, к тому же владеющими коми языком специалистами.

Как заключение, С. Лаллукка еще раз подчеркивает непропорционально высокое функционирование русского языка, вытесняющее финно-угорские языки из многих сфер функционирования. Было бы целесообразнее вопрос о статусе русского языка выделить в особый подраздел, где обсудить и проблемы национально-русского двуязычия, которые в бывших автономных республиках пока не пересматриваются. С. Лаллукка высказывает сомнение в возможности реабилитации и восстановления языка у изучаемых народов из-за огромного ущерба, нанесенного им в 30-х годах и позже. И все-таки задача функционального выравнивания финно-угорских языков и развитие русско-национального двуязычия, вероятно, является основной для будущих десятилетий.

В условиях нецивилизованного реформирования, проводимого правительством Российской Федерации, юридически не защищенные национальная пресса и книгоиздание находятся на грани финансового краха. В феврале 1992 г. некоторые депутаты Верховного Совета Коми ССР потребовали прекратить финансирование убыточных коми журналов. Таким образом, необходимо прежде всего сохранить имеющиеся издания.

Следующая глава «Этническая меж-национальная брачность» посвящена смешанным бракам в среде восточных финно-угорских народов как стимуляторам ассимиляционных процессов. До II мировой войны такие браки у мордвы, мари, удмуртов и коми были редки, в основном в селениях вблизи этнических границ. После войны их число резко возросло, особенно в Коми крае в силу большой миграции некомиязычного населения извне, к тому же большинство новоприбывших были холостыми мужчинами. Распространению смешанных браков способствовали урбанизация и индустриализация, уничтожение малых деревень, общице с русскими антропологические черты, отсутствие религиозных и общекультурных различий. В большей степени вовлеченными в межнациональные браки оказались коми (четверть семей) и мордва, в меньшей — удмурты и мари.

В последней главе рассматривается степень ассимиляции у разных возрастных групп восточных финно-угров.

Чрезвычайно насыщенно теоретическими выводами заключение монографии, где С. Лаллукка прямо говорит о заметном ухудшении перспектив развития мордвы, мари, удмуртов и коми. Выводы сделаны в виде тезисов с их кратким обоснованием.

И хотя С. Лаллукка не дает окончательной оценки положению конкретных исследуемых народов, тем не менее ясно, что в наиболее худшем положении по многим факторам находятся мордва и коми, в более благоприятном — мари, промежуточную позицию занимают удмурты.

Финно-угорским народам остается надеяться на лучшее и стремиться путем развития собственной государственности, культуры, языка как-то выйти из тупикового состояния. Некоторые обнадеживающие реалии уже налицо: смягчение тоталитаризма, плюрализм мнений, более демократическая обстановка в России, развитие межэтнических связей.

В целом рецензируемая монография, основа докторской диссертации С. Лаллукка, представляет собой незаурядное исследование, выполненное на высоком научном уровне. Работа может послужить образцом для историков и этнографов финно-угорских бывших автономий России в создании более обобщающих трудов. После книги И. Батори (Bátóri 1980) это второе крупное исследование по социо-лингвистической тематике, посвященное финно-угорским народам. Было бы желательно, наконец, чтобы монография в полном или сокращенном варианте увидела свет и на русском языке, остающимся в обозримом будущем языком межнационального общения восточных финно-угров в России. К тому же небесполезно познакомиться с таким трудом и представить русскоязычного населения финно-угорских республик, депутатам всех уровней да и многим интересующимся судьбой коми, удмуртов, мари и мордвы. В заключение хочется пожелать трудолюбивому автору продолжить начатое исследование в новых направлениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Бараксанов Г. Г., Мартынов В. И. 1980, Развитие коми филологической науки, Сыктывкар (Серия препринтов «Научные доклады», вып. 27).
- Жданов Л. А. 1989, От двух корней. О значении двуязычия в национальной республике, Сыктывкар.
- Кюннап А. 1991, [Рец.] Seppo Lallukka, *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends*, Helsinki 1990. — LU, 205—209.
- Поляков О. Е. 1988, Русский язык в жизни мордовского народа, Саранск.
- Рогачев М. Б. 1984, Билингвизм сельских коми (социологический аспект). — Взаимодействие финно-угорских и русского языков, Сыктывкар, 3—17.

- Цыпанов Е. 1989а, Коми войтыр демография лыдпасьясын. — «Войвыв кодзув», № 5, 61—62.
 — 1989б, Кыв вöсна тöжд — войтыр понда висьöм. — «Войвыв кодзув», № 6, 49—55; № 7, 54—59.
 — 1989в, Проблемы языка — проблемы народа. — «Север», № 4, 97—102.
 — 1990, Коми язык в печати. —

- «Вестник политической информации», № 1, 6—8.
 Bátori, I. 1980, Russen und Finno-ugrier. Kontakt der Völker und Kontakt der Sprachen, Wiesbaden.
 Liivaku, U. 1989, Eesti raamat isolatsioonis. — КК, 459—467.
 Ruutsoo, R. 1987, Keelest, kultuurist ja keeleökoloogiast. — КК, 587—598; 647—654; 716—724.
 Tsypanov, J. 1990, Kulttuuri elää kielessä. — Punalippu 6, 116—122.

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

József Szabó, Magyarországi és jugoszláviai magyar nyelv-járászigetek, Békéscsaba — Kecskemét — Szeged 1990 (Dél-alföldi évszázadok 3). 420 c.

Венгерские языковеды достигли значительных успехов в исследовании своего языка, причем все более или менее существенные исследовательские отрасли отмечены публикацией монографий или серийных изданий. Относительно деятельности венгерских диалектологов и финноугроведов приведем хотя бы некоторые примеры, благоприятствующие росту осведомленности венгров в части венгерского языка: «A magyar nyelv értelmező szótára» I—VII (1959—1962), «A mai magyar nyelv rendszere» I—II (1961—1962), «A magyar nyelv története» (1967), «A magyar szókészlet finnugor elemei» I—II (1959—1974), «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára» I—IV (1967—1984), «Uj magyar tájszótár» I—II (1979—1988), «A magyar nyelvjárások atlasza» I—VI (1968—1977, справочный том 1980). В большом количестве изданы территориальные диалектные словари, обзоры и сборники текстов, например, по Сегеду, Фелшэру, Самошхату, Трансильвании и т. д.

Учитывая то обстоятельство, что поселения венгров простираются далеко за пределы своей страны (особенно после рокового Трианонского мирного договора), языковедов, естественно, интересуют и венгерские языковые островки. По примеру немецких диалектологов, они различают островки внутри страны и таковые вне ее пределов, отделяя диалектные

островки (венг. nyelvjárászigetek, нем. innere Dialektinseln) от расположенных на территориях других народов языковых островков (nyelvszigetek, äußere Dialektinseln). Если языковые островки (на Украине, в Австрии, Югославии и венгерский язык даже дальше, например, в Швеции) венгерские языковеды за последние 50 лет изучили довольно основательно, то диалектным островкам внутри границ своей страны они уделяли пока лишь поверхностное внимание. Занимаясь (в плане сопоставления) обоими типами языковых островков, Йожеф Сабо сделал одну из малоисследованных областей венгерской диалектологии предметом своих углубленных штудий. Основное внимание он уделил именно диалектным островкам, т. е. диалектному языку венгерских населенных пунктов, которые находятся в окружении иного венгерского диалекта. Исследование диалектного островка важно отнюдь не только в аспекте диалектологии и не представляет собой лишь некое, так сказать, краеведение местного значения. Фиксирование нынешнего речупотребления и обзор характерных черт диалектного языка поселений дают ценный материал и для общего языкознания, а также весьма существенны с точки зрения истории венгерского языка и смежных национальных дисциплин (как этнология и история заселения).

С последней диалектные островки